

grafitti

Ирэн Роздобудько

граффити

*Сделай
это
нежно*

CF FOLIO

Ирэн Витальевна Роздобудько

Сделай это нежно

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8366496

Сделай это нежно: пер. с укр. / И. В. Роздобудько: Фолио; Харьков;

2014

ISBN 978-966-03-6684-8, 978-966-03-5101-1

Аннотация

Похоже, все в этом мире можно делать нежно – любить, дружить, привязываться... А еще наказывать, заставляя страдать и даже... убивать. Все зависит только от твоего желания. И от того, какая у тебя душа. И от того, есть ли она у тебя вообще... Об этом и говорит в своих новеллах Ирэн Роздобудько. О чем они? Ответ очень простой – они о жизни. О той жизни, которую мы сами себе выбираем: или идем на костер, или всеми силами добиваемся правды, или молчим, сцепив зубы, или... убиваем. Нежно.

Содержание

Странные взрослые	5
Одни сутки из жизни Лии N.	5
Елизавета решает умереть	22
Кримпленовое пальто с перламутровыми пуговицами	29
Зеленый кит в синюю полоску	37
Сладкое молоко	43
Наука на будущее	47
Скайп	47
Наука на будущее	67
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Роздобудько

Сделай это нежно

© И. В. Роздобудько, 2013

© Издательство «Фолио», марка серии, 2004

Странные взрослые

Одни сутки из жизни Лии N.

Лия спала плохо. Точнее – плохо засыпала.

Ведь из кухни до нее доносились голоса мамы и бабушки. И то, что она слышала, заставило ее затрепетать всем своим семилетним тельцем, скорее похожим на невесомое тельце птицы.

– Завтра оставим их одних, – говорила бабушка, – это будет хороший воспитательный момент. Я поеду к сестре. Ты можешь навестить родителей.

Слово бабушки всегда было законом.

– А это не слишком долго – на сутки? – услышала Лия неуверенный голос матери. – А вдруг – что-нибудь?..

– Ну что – «что-нибудь»? – Лия даже представила, как бабушка вскинула брови. – Никаких «что-нибудь»! Ответственность за ребенка выше всяких что-нибудь! Вот увидишь.

Потом они стали говорить о том, что приготовить на завтрашнее утро – плов или жареную картошку. Но Лия уже знала – самое главное решено и обсуждению не подлежит.

И поэтому ей надо собрать все свое мужество и всю хитрость, чтобы ни единым движением не выдать свое раздра-

жение, свое отчаяние, свое сопротивление, а главное – страх.

Она же – ребенок! А у ребенка, как известно, не может быть никаких подобных чувств. Ребенок – это веселый щенок, прыгающий вверх за конфеткой, это – двадцать (или больше) килограммов радости, это миллион забавных «почему», которые так смешат взрослых! Это – милая картавость, зеленка на сбитых коленях, вечные «купи» и «хочу». Это мгновенные слезы, которые высыхают, как только в руке оказывается мороженое. Это – «ложка – за маму, ложка – за папу!»...

О! На этом фоне Лии трудно объяснить (ведь она еще не достаточно хорошо владеет искусством речи, чтобы уметь выразить мысли), что ей очень много лет и она пытается вести себя так, как ее ровесники, только потому, чтобы ничем не выдать своего истинного возраста. Не напугать тем самым маму, не смутить бабушку, а главное – не подвести отца, который знает то же, что и Лия.

Если бы Лия умела выразить то, о чем думает, если бы была уверена, что ей поверят, она бы вышла на кухню в ночной рубашке и сказала примерно следующее... Вы – глупые, хоть я и люблю вас. Неужели вы думаете, что я могу иметь хоть какое-то влияние на ваш взрослый мир? Вы – большие, сильные и умные, так зачем выставлять меня, как буфер (это слово Лия выучила намного позже), между своим мнимым спокойствием, которое продлится сутки, и моим отчаянием, которое после этих суток поселится во мне навсегда!

Конечно, она этого не могла сказать...

На следующий день рано утром мама и бабушка торжественно сообщили ей и папе, что отправляются в разные концы города – «по неотложным делам».

– Ну, как, герои, останетесь на хозяйстве? – игриво сказала бабушка. – Не подведете?

Она до сих пор считала папу своим маленьким сыночком.

Лия молча кивнула, глядя бабушке прямо в глаза.

Она еще надеялась, что ее взгляд может изменить ход событий и мама с бабушкой поймут, что сутки – это уж слишком...

Но папа весело кивнул в ответ:

– А то! – Обнял Лию за плечи: – Мы вместе – ого-го!

Мама дала последние наставления – где что лежит и что нужно сделать на завтрак: подогреть жареную картошку.

Потом за ними закрылась дверь, и Лия побежала в постель – досматривать последний сон.

Сон был долгим.

Но сквозь него Лия слышала, как дважды тихо приоткрылась входная дверь: папа ушел и вернулся.

Когда Лия вышла на кухню, он стоял у плиты и лил на сковородку с жареной картошкой воду из чайника.

Лия знала, что так не делают, что жареную картошку разогревают без добавления воды, но по тому, что папа не повернулся к ней, сразу поняла: началось!

Если бы он повернулся к ней и улыбнулся: «Ну, что будем делать, хозяйюшка?» – она бы с удовольствием забрала из его рук чайник и ответила: «Воду – не надо! На воде картошку варят, а в жареную – ни капли!»

И они бы рассмеялись.

Но Лия прекрасно понимала, что сейчас папе не до шуток, он прекрасно знает о бессмысленности своих действий, а воду льет только потому... потому что, как говорила бабушка, – «не в настроении».

Бабушка всегда находила точные формулировки для папиного состояния: «папа переутомился», «папа перенервничал на работе», «папа заболел».

Когда такое случалось, все ходили по дому на цыпочках и говорили тихими голосами, будто и сами были больны...

Солнечные кругляшки картошки, перекипев в воде, превратились в месиво.

Но Лия мужественно съела все, что папа положил в ее тарелку. Мужественно и быстро, ведь она видела: он не ест потому, что ждет, чтобы она быстрее ушла к себе – играть в свои детские игры.

И тогда Лия услышит (услышит всей кожей!), как тихо скрипнет дверца кухонного шкафчика, как чуть слышно звякнет стекло – дважды или трижды, – а потом вилка неуверенно застучит по тарелке. А если она, эта непослушная вилка, «стратит» – то есть не наколет картофелину на свои ред-

кие зубцы, – полетит на пол или в стену. А папа скажет что-то такое, чего никогда не сказал бы в присутствии Лии. Хотя Лия давно знает значение многих взрослых слов. Только старательно скрывает это.

Прислушиваясь к звукам, Лия делала вид, что с удовольствием рисует. Даже язык намеренно высунула, хотя она никогда не рисовала утром и не было сегодня на то никакого желания. Она рисовала цветы. Каждый цветок – это зашифрованный час! Цветков до следующего утра было двадцать четыре. Целый сад! И Лия решила, что каждый час будет зачеркивать один цветок, пока не выкосит весь этот сад!

– Рисуешь? – заглянул в комнату папа.

Его лицо было веселым.

– Может, пойдем прогуляемся?

Лия тоже посмотрела на него веселым беззаботным взглядом. Она давно выработала его, чтобы казаться маленькой. И кивнула.

Послушно и быстро стала собираться – шорты, футболка, сандалии. Только носков не нашла. И не было на то времени, ведь папа уже стоял на пороге и с недовольным видом крутил нижний замок.

– Чертовщина какая-то, – сказал он.

И Лия, отстранив его руку, повернула верхний.

Дверь открылась.

Они вышли на улицу.

Гулять с папой давно вошло в ее обязанности. Хотя мама

с бабушкой думали наоборот!

Они часто отправляли их пройтись, «ведь ребенок хочет на качели». И Лия покорно кивала головой, хотя на качели ей совсем, ну совсем-пресовсем не хотелось! А если хотелось, то она бежала туда сама и смело взлетала до небес, без всякого взрослого контроля над своими действиями.

Мама и бабушка не знали, что маршрут, намеченный ими для нее и папы, никогда не проходил через детские площадки и любую прочую ерунду. И Лия всегда удивлялась, что они этого как бы не замечают!

Папа взял Лию за руку.

Лия знала, что таким образом он будет держаться прямее и увереннее, как любой другой отец, который вывел ребенка на прогулку. Они сели в троллейбус и поехали в центральный гастроном. Так было всегда.

Лия знала, что, проходя мимо вывески, папа улыбнется ей и спросит:

– Хочешь сидро или молочный коктейль?

Тут Лия должна весело улыбнуться в ответ и сказать:

– Коктейль!

И тогда папа пошутит:

– Ну, ты меня совсем разоришь на этих коктейлях!

Что ж – воля твоя! Ударим по коктейлям!

И все это – «пароль-отзыв» – будет выглядеть так, будто Лия сама захотела зайти в гастроном.

Так и сейчас.

Папа оставил ее у высокого столика, а сам пошел в очередь.

Вернулся, неся в руках два стакана – с белым и красным.

– Пей свой коктейль, сладкоежка, – сказал он и добавил: –

А я – виноградный сок!

Лия молча кивнула и сунула нос в стакан с белой пеной.

Краем глаза она следила, как быстро, со вкусом, папа пьет свой сок.

– Ну и жара сегодня, – сказал он, вытирая рот ладонью. –

Хочешь еще?

Лия энергично затрясла головой и взяла папу за руку, мол, пошли.

– А я хочу! Придется тебе подождать своего папу! – сказал

он и снова встал в очередь.

На улице Лия сказала:

– Поехали домой! – и крепче сжала его руку.

Вот где начинается настоящая мука – ехать в троллейбусе!

Лии казалось, что все на них смотрят. Особенно после того, как папа, дав кондукторше вдвое больше денег (Лия точно заметила – вдвое!), похлопал ее по щеке и ласково сказал: «Лапа!..»

А кондуктор повела носом в воздухе, фукнула и, отстранив его руку, сказала: «Смотри, ребенка не потеряй, „лапа“», – и, укоризненно покачивая головой, прошла дальше.

Лия стало обидно за папу, за то, что женщина так явно фукнула ему в лицо.

За то, что он сказал это домашнее слово, которое предназначено только ей и маме.

За то, что от него неприятно пахнет, и все это слышат, а еще за себя – прикованной к этой маленькой детской Голгофе. Конечно, и этого понятия Лия тогда еще не знала, но отчетливо чувствовала, что есть такое место, где ты стоишь голый перед огромной толпой возбужденных этим зрелищем людей.

Все это было невыносимо. Ведь тетеньки в троллейбусе начали оглядываться на них и качать головами. Одна даже незаметно погладила ее по голове, и неблагодарная Лия, оскалась, как дикая кошка, сбросила ее руку, мол, в жалости не нуждаюсь!

В какой-то момент она подумала: а что будет, если выпрыгнуть на следующей остановке? Что будет? Выпрыгнуть и побежать далеко-далеко, на детскую площадку, куда Ленка и Светка вынесли сегодня своих кукол...

Но – нет! Она должна выполнить задание мамы и бабушки, должна стать достойным «воспитательным моментом» в жизни своего одного-единственного папы, которого нельзя бросать во враждебно настроенном троллейбусе. Ведь, полагаясь на нее, он уж задремал. Из-за чего они проехали три лишних остановки, хоть Лия и пыталась растолкать его изо всех сил.

Но как только проехали, папа сразу вскинул голову и сказал:

– Сойдем здесь и пройдемся обратно пешком.

Ли не хотелось идти пешком, ведь сандалии, обутые без носков, уже натерли на пальцах и ступнях водянки.

– Ну не дуйся, лапа, – сказал папа. – Я просто не хочу, чтобы эта глупая тетка Надя нас видела. Она же всегда в это время сидит на лавочке и сплетничает. Не люблю я ее.

Обратный путь показался Ли бесконечным.

Папа больно опирался на плечо, останавливался под деревьями, отплевываясь.

И люди смотрели на них. Весь мир превратился в один большой глаз, который наблюдал за ними.

– Папе плохо, – пояснил папа. – Наверное, у папы грипп.

Лия сочувственно кивнула и повела его дальше. В ее сандалиях уже немного влажно – наверное, лопнули водянки.

Им не повезло: на лавочке сидела тетя Надя еще с тремя соседками.

На удивление, папа прошел мимо достаточно ровно, только слишком крепко сжал руку Ли и тихо выругался, забыв о ней. Но она – ни звука. Даже не ойкнула!

Главное, что через мгновение они скрылись в подъезде и поехали на свой этаж!

На лестнице папа долго искал ключ.

Так долго, что Лия успела замереть от ужаса: если ключ

потерялся, что они будут делать в городе целый день и целую ночь, до которой еще так далеко?

Папа долго-долго выворачивал карманы, роняя из них зажигалку и медяки. Наконец ключ нашелся, но не хотел лезть в замочную скважину. Лия видела, что папа сует его не тем концом, но молчала, зная – подсказка только разозлит его.

Наконец дверь открылась.

Отодвинув Лию, папа сделал несколько шагов в спальню, но не удержался и упал на пол. Лия испугалась, ей показалось, что он разбился насмерть. Но через мгновение услышала его мощный храп. Она побежала за подушкой и минут пять провозилась, чтобы уложить на нее его голову. Голова папы болталась, как у мертвого, изо рта текла слюна. Лия укрыла его одеялом и застыла рядом, усевшись по-турецки.

Вспомнила, как когда-то давно он водил ее в садик, а по дороге рассказывал удивительные истории о неведомых странах эльфов и злых волшебников, о том, как мечтал стать известным артистом или изобретателем, как прыгал с гаражей, сделав себе картонные крылья. А однажды, приблизившись к ее уху, сказал таинственным голосом: «Я – Король Изумрудного города, а ты – его принцесса. Только никому не говори – это будет наша тайна». В следующий раз он объявил себя и ее правителями Города Саблезубых Тигров, а со временем – Обладателями Звездной Вселенной!

Сколько таких тайн она носила в себе, как стакан с драгоценным напитком, наполненный до краев. Чтобы не рас-

плескать! Обнимала за шею и шептала: еще, еще, еще. Рассказывай о том, где мы жили, – в каких дворцах, на каких планетах, внутри каких яблок, а волшебные палочки у нас были? А летать мы умели? А язык дождей понимали? Еще, еще...

У них было много общих секретов. Он так и говорил: пусть мама и бабушка не знают, это наши дела! Она, как святыню, берегла под кроватью маленькую желтую копилку, куда они вместе собирали медяки на путешествие в Африку...

И хранила все нынешние секреты, ведь папа уважал только тех, кто умеет держать слово. И она держала. Стерегла его, сидя на холодном полу, и боялась, что мама и бабушка вернуться не вовремя.

...Спустя время Лии надоело сидеть в одной позе.

Дыхание папы стало ровным, опасным. Она повернула его голову набок, чтобы в случае чего он не захлебнулся собственной слюной (ведь однажды такое уже было!). И отправилась зачеркивать ряд нарисованных утром цветов.

А потом подумала, что теперь она может взять велосипед и еще погонять на улице, пока папа не проснется и не захочет ужинать.

Она захлопнула двери и спустилась по лестнице, катя перед собой свой старый «Орленок».

На скамье все так же сидели соседки. Лия гордо провела мимо них велик и, громко свистнув, оседлала его. Покатила

вниз к реке.

Движение и ветер постепенно расправляли ее съежившееся сердечко, и первая половина дня уже не казалась ей такой тяжелой и постыдной.

Она крутила педали не останавливаясь, шесть раз объехав маленькую речушку, пока на небе не появились первые звезды, а из воды не дохнуло ночной прохладой. Она бы хотела ездить так вечно, не возвращаясь в мир взрослых, пока сама не вырастет, не станет равнодушной, не получит закалку ко всякого рода проблемам и неясностям. Она могла бы ехать все дальше и дальше, мимо речки, через лес – на тот его край, где ее снимет с велика прекрасный Король Изумрудного города.

Ноги Лии гудели, желудок поджимало от голода. Надо было возвращаться домой.

Она больше не могла крутить педали и повела «Орленок» вверх, чувствуя, как тяжелеют с каждым шагом растертые ноги.

У подъезда уже никто не сидел. Лия взвалила велик на плечо и медленно начала подниматься по лестнице.

Дойдя до двери – раскрасневшаяся, уставшая, с тревогой, которая вновь затрепетала и сжала ее сердце, – она прислушалась.

Тихо.

Позвонила...

Звонила и стучала ногами в дверь долго. Ей показалось –

часа два, хотя прошло всего двадцать минут. Но и они показались ей вечностью. Приложила ухо к двери и услышала тот же храп. Папа еще спал. Лия пожалела, что оставила его. Наверное, он еще раз или два выходил в магазин и теперь не проснется до утра. Лия оставила велосипед у двери и вышла на улицу. Посмотрела вверх – все окна в их квартире светились!

Лия села на лавку у подъезда и решила ждать. Если папа проснется, он выключит эту иллюминацию, и тогда она снова поднимется и станет барабанить в дверь. Или папа сам выскочит на улицу искать ее и увидит, как она в темноте сидит на лавке в пустом дворе.

Сколько она просидела, Лия не знала. Она сидела и смотрела на освещенные окна своей квартиры. Еще несколько раз поднималась и стучала-звонила, прислушиваясь к храпу, и снова спускалась вниз на лавку.

Сидела, поджав ноги, растирала окоченевшие конечности и мечтала стать собакой. Если бы она была сейчас собакой, то ее ожидание было бы закономерным, необидным. Собаки могут ночевать и на улице...

– Что ты здесь делаешь так поздно? – услышала она голос. Это – худшее, что могло произойти, ведь, подняв голову, она увидела соседа, который жил в квартире напротив.

Соседа звали Леня. Он жил совсем один в однокомнатной квартире. Как-то Лия услышала, как мама разговаривает с подружкой, и та сказала примерно так, мол... Как там бы-

ло? Мол, «сделай так, чтобы он тебя немного поревновал – у вас же рядом вон какой разведенный живет. А твой, может, за ум возьмется!» И мама несколько раз останавливалась с дядей Леней на лестнице, пыталась шутить, от чего Лии становилось стыдно, ведь эти шутки казались ей искусственными, плоскими, неестественными. А еще больше было стыдно от того, что этот Леня никак не поддерживал их и как-то сказал: «Вам надо о ребенке думать...»

Это были сложные и непонятные для Лии вещи, но ясно было одно: она, и только она видит всю картину этих взрослых отношений в целом, но пока не может высказаться, ведь не имеет права голоса, когда говорят взрослые. Вот поэтому и хорошо бы стать собакой!

Леня посмотрел вверх и заметил их освещенные окна, потом снова обратился к ней:

– Ты вся дрожишь. Здесь холодно. Пошли ко мне. А там разберемся.

Она встала с ощущением, что с нее свалилось сто килограммов снега, хотя на дворе было лето, и на негнущихся ногах направилась вслед за Леней.

На лестничной площадке он постучал в их дверь. Пожал плечами, вздохнул и пропустил ее в свою квартиру.

Лия вежливо уселась на диван и сложила руки на заледенелых коленях. Леня включил бра и телевизор. Лия подумала, что если бы он включил свет, ей стало бы легче. А почему – не знала...

По телевизору шел ночной повтор футбольного матча.

Леня был неразговорчивым, и вообще Лия почувствовала, что она здесь лишняя, что человек, наверное, хочет спать, есть, а ее, Лии, присутствие только мешает ему заниматься своими обычными делами.

– Согрелась? – спросил Леня и потер ей плечи своими огромными ладонями. – Растереть тебя?

– Спасибо, мне уже совсем не холодно. Спасибо.

Она знала, что если она будет держаться вежливо и взрослому, он, может, больше не будет к ней прикасаться.

Леня засопел.

Лия поняла, что если бы она согласилась, чтобы он растер ее, то он не сопел бы так громко и недовольно.

Потом она уже не знала, где лучше сидеть – здесь или в ночном дворе. По крайней мере, во дворе она бы не чувствовала такого неудобства, как здесь, – вдавленная в спинку кровати, в позе, которую боялась изменить даже легким движением, чтобы не привлечь к себе внимания. Там она хотела стать собакой, здесь – тараканом или мышкой, чтобы забиться под кровать.

Леня досмотрел матч.

И пошел на лестничную площадку.

И оттуда – наконец-то! – Лия услышала папин голос.

Правда, сначала забасил Леня, за что-то выговаривая папе, и она зажала уши руками.

Потом Леня вернулся и сказал:

– Иди, он очнулся.

И Лия шмыгнула за дверь.

Папа, опустив глаза, стоял на пороге.

Лия молча завела в квартиру велосипед и, не включая света, направилась в свою комнату.

Как была – в одежде, с нечищеными зубами и грязными коленками, улеглась под одеяло, накрыла голову подушкой и замерла.

Пусть думает, что она спит...

Пусть думает.

Но он так не думал!

Щелкнул выключатель, папины руки начали отрывать от ее лица подушку, и наконец ему это удалось.

– Лапа, – сказал папа, – лапа, прости...

И поцеловал ее мокрую, отнятую от глаз, руку.

Это была худший, самый страшный момент за весь день. Ведь Лия могла выдержать все – гастроном, троллейбус, обратную дорогу с остановками возле деревьев, кровь в сандалиях, сочувственные взгляды соседок, ночное сидение на скамье, холод, голод, жажду, прикосновение потных Лениных ладоней...

Она давно привыкла быть сильной. Но единственное, что могло выбить ее из этого упрямого состояния силы – вот такое «прости», и это нежное – «лапа», и...

И то, что за этими словами ничего, совсем ничего не сто-

яло, ведь точно так же он говорил ей много раз, и в его глазах стояли настоящие-пренастоящие слезы. И тогда Лия – сотый или тысячный раз – чувствовала безумную любовь к папе. Потому что она была старше.

И мудрее.

Чем он.

Чем мама.

И даже – бабушка...

Папа целовал и гладил ее руки, приговаривая: «Мои маленькие замерзшие ручки...»

– Все в порядке, – сказала Лия, отнимая руки, – иди спать. Со мной все в порядке. Нормально...

Елизавета решает умереть

Елизавета решила умереть.

И в этом не было ничего удивительного. Ведь такое решение рано или поздно приходит ко всем.

Особенно, если ты не можешь пережить страшной и несправедливой обиды.

Особенно, если ее нанесли родные тебе люди...

Итак, рано утром Елизавета пошла к реке, хотя должна была идти совсем в другое место.

Идти было трудно – снега в этом году выпало довольно много. Приходилось поднимать ноги, как цапля, и нащупывать тропинку, чтобы ненароком не нырнуть в сугроб.

Способ умереть она выбрала еще дома. Сначала думала, что хорошо бы выпрыгнуть из окна, чтобы ее сразу увидели.

Но потом подумала, что все должны немного помучиться, разыскивая ее. И нашла верное решение: она замерзнет в снегу!

А еще лучше: она насмерть простудится. Ведь простуда – ее «конек»: Елизавета всегда простужалась. И, сколько себя помнит, каждую зиму ходила с компрессами на шею или на ушах. Тело под компрессами сильно чесалось, и Елизавета чесывала его длинной бабушкиной спицей. А на левом глазу у нее всегда красовался огромный ячмень, который прогревали солью или горячим яйцом. Это была суцая

пытка.

Так неужели эти муки придется терпеть еще лет шестьдесят? А вдруг – больше?

Подумав так, Елизавета решила как следует промерзнуть в снегу, а потом вернуться домой и победно умереть на глазах у всех обидчиков.

Она дошла до самого берега, где, как ей казалось, снег был самым холодным, сняла шубу и варежки, аккуратно сложила их неподалеку от себя, расчистила место в сугробе и опустилась на снег.

Потом принялась нагребать его на себя, как это делала летом, закапываясь в песок.

Нагребла до самой шеи и стала ждать, когда замерзнет.

Но, на удивление, холодно ей не стало.

Елизавета хорошо утрамбовала снег вокруг себя ладонями – так, что на поверхности осталась одна голова. И стала ждать.

А в ожидании размышляла.

Вот, думала Елизавета, я умру. Буду лежать тихая и смиренная, послушная, с закрытыми глазами – белая-белая. Вся – в белом! Ведь соседка как-то говорила, что девушек, которые не вышли замуж, хоронят в красивых свадебных платьях. А вокруг будут стоять мама, бабушка, папа и Саша, а еще – Ромка, Стасик, Олька, Лера, Светлана Михайловна и дядя Паша.

Все ее враги!

Олька и Лера, наверное, будут завидовать – им такое платье и не снилось!

Саша, конечно, будет радоваться: ему достанется все, что останется после Елизаветы, а главное – велосипед, за который они всегда дрались чуть ли не до крови! И мама с папой тоже обрадуются: теперь никто не будет рисовать на обоях, не будет приносить в дом котят и пачкать новую одежду. Бабушка, может, немножко и погрустит, но потом поймет свое счастье: не надо будет делать двойную порцию блинчиков или вязать свитера и носки в двойном количестве.

Светлана Михайловна вообще будет скакать от счастья на одной ножке, это понятно. Ведь она сама как-то сказала, что если бы Елизаветы в ее группе не было, она бы перекрестилась и спала спокойно. Вот теперь будет креститься и спать вволю! Ну и дядя Паша тоже будет спать спокойно – никто теперь не будет прыгать с гаражей, не будет бегать по клумбам, и никого не надо будет снимать с пожарных лестниц!

Вот кто действительно поплачет, так это Ромка и Стасик. Хотя, если хорошенько разобраться, чего им плакать, если теперь они смогут во всем быть первыми? В плевках в длину и высоту, в охоте на голубей, в свисте через лист лопуха, в слежке за шпионами, в разжигании костра и всяком таком.

Нет, они будут рады!

Поэтому Елизавете терять нечего.

А вот увидеть, как по ней будут скучать, – интересно!

Ведь все же мама с папой и бабушкой, наверное, позже (когда хорошенько нарадуются тому, что избавились от такой непослушной Елизаветы) начнут плакать и жалеть, что ее нет.

Мама скажет: ну зачем мы так издевались над ней, запрещали рисовать на обоях, заставляли есть кашу?

Зачем мы не позволяли ей бродить у реки, скажет папа. Ой, зачем я ругала ее за то, что путает мои нитки, заплачет бабушка.

И даже Саша всхлипнет, мол, пусть бы брала велосипед – сколько угодно!

А Светлана Михайловна будет стоять тихо, и все сразу поймут, что это она была виновата, когда ставила Елизавету в угол на глазах остальных детей и жаловалась на нее родителям.

Олька принесет ей свою дорогую немецкую куклу, волосы которой Елизавета раскрасила лаком для ногтей, скажет: ах, бери, хоть всю раскрась, мне не жалко. А Лера...

Лера пожалеет, что не пригласила Елизавету на свой день рождения, скажет: пусть бы ходила к нам в гости хоть каждый день – у нас еще много есть чего поломать!

...Ресницы у Елизаветы покрылись инеем и стали длинными-длинными, как у сказочной Снегурочки. Сквозь них было так интересно наблюдать за тем, как красив мир – будто соткан из кружева. А еще было интересно слушать тишину – такую тихую-тихую, как будто сидишь внутри яблока.

Вот интересно, думает Елизавета, как же будет ТАМ – то есть после того, как она умрет? Конечно, кашей ее не будут кормить, и это хорошо. И Саша не будет донимать ее утром, стягивая с нее одеяло. И папа не будет заставлять чистить зубы.

Бабушка не будет заплетать косы и мыть их заваркой, чтобы они блестели. И мама не будет читать ей на ночь «Винни-Пуха».

Словом, будет Елизавета сама себе хозяйка: хочешь – спи, хочешь – лезь на пожарную лестницу и виси вниз головой, сколько душа пожелает, – хоть сто лет подряд!

«Пер-спек-тива...» – сказал бы папа.

Елизавета не знала, что такое «перспектива», но слово ей не нравилось – оно было колючим и скучным.

Снег действительно пах яблоком, и Елизавета с удовольствием начала сгрызать его с подмерзшего воротничка. Во-первых, это было вкусно, а во-вторых, приближало к цели – похолодеть изнутри.

Над Елизаветой закружилась ворона. Она была единственной черной точкой в этой белизне. Она – да еще одинокая Елизаветина голова, торчащая из-под сугроба. Ворона примостилась на ветке и внимательно смотрела вниз, разглядывая Елизавету.

У нее были умные черные глаза.

«Пер-спек-ти-ва» – презрительно каркнула она.

Наверное, ей тоже не нравилось это слово.

Ворона наблюдала за Елизаветой до тех пор, пока небо не стало синим, а в нем не начали зажигаться маленькие свечи. А потом полетела к своим детям. У нее их была целая куча – зачем же ей приглядывать еще и за Елизаветой?

А Елизавета уже передумала кучу разных мыслей, и без вороны ей стало скучно.

Снег вокруг нее покрылся тонкой ледяной коркой.

Елизавета сломала ее и принялась выбираться из-под сугроба.

Ей было обидно: никакого холода она не испытывала. Вероятно, его испытывали только шуба и шапка, которые лежали рядом и покрылись стеклянными ледяными трубочками.

Елизавета надела шубу, обгрызла с перчаток сосульки и бесславно поплелась обратно, домой.

У дверей своей квартиры она нащупала на шее веревку с ключом.

Ключ был совсем холодным и не слушался ее рук – никак не хотел попадать в замочную скважину.

И Елизавета вдруг почувствовала, что и сама стала твердой и холодной, как этот ключ.

За спиной услышала шаги, а потом кто-то крепким подзатыльником просто-таки втолкнул ее в квартиру.

Елизавета влетела в прихожую, как ракета.

– Вот она, сама объявилась! – крикнул Саша в глубь квартиры и снова дал Елизавете крепкий подзатыльник: – Весь район из-за тебя обежал, замерз, как собака! У-у-у...

И он показал Елизавете кулак.

Навстречу им уже выскочили мама и бабушка.

Лица у них были такие взволнованные, такие испуганные, что Елизавете стало стыдно за то, что она хотела вот так неожиданно бросить их на произвол судьбы.

С Елизаветы медленно начали стекать ручейки – с шубы, с варежек, с валенок, с ресниц и волос. Она стояла посреди целого озера и думала, что сейчас она вся стечет водой на пол, как сосулька.

Елизавету раздевали в шесть рук.

Повесили все вещи в ванной комнате, чтобы с них стекла вода, напоили горячим чаем, одели в теплую пижаму и шерстяные носки.

И поставили в угол. Именно туда, где по обоям ходили-бродили нарисованные ею зверушки.

Елизавета стояла в углу.

Саша играл на компьютере, папа ужинал перед телевизором, мама разговаривала по телефону, бабушка вязала свитер.

Никто даже не догадывался, что сегодня Елизавета решила умереть.

Ничего, теперь это будет ее тайной, подумала Елизавета, вздохнула, достала из кармана фломастер и принялась рисовать ворону...

Кримпленовое пальто с перламутровыми пуговицами

Из Прибалтики позвонила мамина подруга тетя Александра и сказала, что передаст поездом что-то особенное.

Все утро, пока мама была на вокзале в ожидании поезда, Зоя не находила себе места – все время подходила к окну и выглядывала, не идет ли.

Бабушка тоже была в приподнятом состоянии. Ведь все, что касалось Прибалтики, было необычным и даже немного чужим, как другая планета. Зоя видела в кино, что у людей, которых называют «из Прибалтики», особая речь – с мягким иностранным акцентом.

Зоя и сама часто копировала этот акцент, чтобы казаться во дворе загадочной. Еще бы! Не у всех мам подруги жили в самой Прибалтике!

И вот наконец мама появилась на асфальтовой дорожке, ведущей к подъезду, в руках она несла бумажный пакет, туго обмотанный серой веревкой.

Когда она вошла в квартиру, бабушка и Зоя уже ждали ее на пороге.

– Ну что там? – спросила бабушка.

– Еще не знаю, – сказала мама и дала пакет Зое: – Отнеси в комнату, сейчас посмотрим.

Зоя несла пакет в комнату и тихо ощупывала руками, что

там может быть? Пакет был мягким и почему-то пах почтовым сургучом.

Бабушка принесла ножницы и разрежала веревку, смотала ее в клубок, мол, в хозяйстве все когда-нибудь пригодится, и стала разворачивать плотную коричневую бумагу. Зоя не могла дождаться, пока она так же аккуратно не расправит и не свернет бумагу.

Под бумагой оказался прозрачный целлофан, внутри которого что-то белело. Зоя почему-то решила, что это костюм Снегурочки.

Бабушка сняла целлофан и осторожно – кончиками пальцев – подняла то, что было в нем завернуто. И перед глазами Зои действительно возникло платье Снегурочки – но слишком длинное и большое, на маму или бабушку. И обе безумно обрадовались.

– Это настоящее кримпленовое пальто! – радостно воскликнула мама.

– С перламутровыми пуговицами... – восторженно добавила бабушка.

– Модное... Сейчас такое носит наша директриса... – выдохнула мама.

Бабушка взяла пальто за воротник, на котором висела этикетка, и даже присела на диван:

– Ого! Девяносто рэ!

Мама тоже сразу присела рядом с ней:

– Ого. Это же вся моя зарплата.

– Хорошая у тебя подруга, – тоненьким голосом сказала бабушка. – Наверное, хочет показать, как хорошо ей там живет, раз может делать такие дорогие подарки.

Мама вздохнула и ничего не сказала. Она не любила противоречить бабушке.

Зоя не знала, что такое это «рэ», но не могла отвести глаз от белого чуда – пальто было плотное, как из картона, с вытисненными по всему подолу цветами, а главное, на нем сияли такие же белоснежные переливающиеся пуговицы. Никогда еще Зоя не видела подобного чуда.

Вот бы мама с бабушкой взяли и перешили из него для Зои десять маленьких платьев или юбок! Ведь они всегда что-то придумывают, перешивают, добавляя к старой одежде какие-нибудь оборки, – и поэтому Зоя всегда ходит гордая и модная.

Но тут же Зоя поняла, что перешивать это пальто они не собираются.

Просто сидят и поглаживают его руками. Она тоже погладила и даже лизнула пуговицу, та показалась ей сладкой.

– Не шали, – сказала мама и тихо добавила, обращаясь к притихшей бабушке: – Если хотите, можете взять его себе...

Бабушка сначала обрадовалась, но потом сказала так:

– Нет. Сделаем иначе. Вещь слишком дорогая, чтобы ты каждый день носила ее на работу. Это непрактично. Лучше продадим это пальто Майе Витольдовне из третьего подъез-

да, она работает в районо – деньги у нее есть, и носить она его будет каждый день.

Зоя видела, что мама немного расстроилась. Но бабушка добавила:

– Продадим не за девяносто, а за сто двадцать! И на эти деньги купим себе по обновке. Это, по-моему, правильно.

– И мне? – спросила Зоя.

– Конечно, – с важным видом кивнула бабушка.

Это Зое очень понравилось. Хотя она представила, какой бы красивой была мама в этом белом пальто. Красивой, гораздо красивее, чем ее начальница – директор школы.

– Вот и хорошо, – сказала бабушка, – пойду схожу к Майе Витольдовне.

И она пошла в соседний подъезд, где жила эта очень важная женщина. Она была бабушкиной ровесницей, но ходила на высоких каблуках, в белых блузках и узких темно-синих юбках. В руках у нее всегда был портфель, а на голове – такая «снежная баба» из двух шаров блестящих черных волос.

Зоя и все во дворе всегда вежливо здоровались, проходя мимо Майи Витольдовны, и очень смущались, когда она спрашивала, как дела, или делала замечания.

Бабушка вернулась довольно быстро.

– Покупает! – радостно сообщила она. – За сто двадцать – без разговоров! Я, правда, для пущей важности сказала, что мы должны получить посылку на почте, ближе к вечеру.

– А зачем? – удивилась мама.

– Как зачем? – удивилась бабушка. – Пойду куплю белые пуговицы в магазине – перешьем. А эти оставим себе.

– Ура-а-а-а! – закричала Зоя и подумала, что бабушке, так же, как и ей, больше всего нравятся эти удивительные пуговицы.

Мама с сомнением покачала головой и начала собираться на работу в школу.

Бабушка тем временем быстрыми движениями срезала пуговицы с пальто и сложила их в ящик. Без пуговиц пальто стало немного подслеповатым, но все равно красивым.

Бабушка пошла за пуговицами.

А Зоя еще некоторое время наблюдала, как мама крутится перед зеркалом в этом белом пальто и вздыхает.

А потом она сказала Зое:

– Я возьму его в школу – хоть девочкам покажу! А ты подойдешь через часок, когда у нас будет перемена, и отнесешь пальто домой. Наверное, к тому времени бабушка вернется с пуговицами.

Зоина мама работала неподалеку – в школе. И все ее подруги тоже были учительницами младших классов. И ни у кого не было кримпленовых пальто!

Зоя послушно кивнула.

Мама завернула пальто в несколько газет и пошла с ним на работу...

Когда стрелка на часах дошла до той цифры, которую назвала мама, Зоя пошла в школу.

Шла быстро и мечтала о том, что на обратной дороге станет единственной обладательницей такой сказочной собственности.

В школе мама быстро отдала ей пакет и приказала бежать домой не останавливаясь.

И Зоя побежала через стадион, засеянный мелкой зеленой травкой. А посреди стадиона остановилась. Ей так хотелось еще раз рассмотреть пальто. Ведь потом она будет видеть его только на Майе Витольдовне и делать вид, что их семья не имеет к нему ну никакого отношения. От этой мысли Зое стало обидно. Она развернула газеты, и белое, самой модное в мире пальто обдало ее своим неземным кримпленовым ароматом.

Зоя надела его на себя. И сразу утонула в сияющем и немного колючем, как у Снежной Королевы, наряде. Рукава были длинные, а подол накрыл землю вокруг, как парашют. И Зоя помчалась по зеленой траве, освещенная солнцем, счастливая и похожая на белого лебедя. Ей даже казалось, что белые крылья пальто приподнимают ее над землей!

Набегавшись, Зоя свернула пальто, обернула газетами и быстро, как велела мама, пошла домой.

...А во дворе ее встретила Майя Витольдовна.

Она стояла прямо на дороге и внимательно рассматривала разгоряченную Зою, а еще внимательнее – пакет, который та несла под мышкой.

– Ты, наверное, с почты идешь? – сразу спросила она. –

Пальто несешь?

Зоя замерла и крепко прижала пакет к себе.

– Молодец, что помогаешь родителям, – сказала Майя Витольдовна. – Давай его сюда.

– Но... Но мне сказали, что надо идти с ним домой... – пробормотала перепуганная Зоя.

– А зачем? – пожала плечами Майя Витольдовна. – Все равно это уже принадлежит мне. Мама и бабушка в курсе.

Перед глазами Зои всплыла картинка, как бабушка щелкает ножницами и перламутровые пуговицы сыплются ей в руку.

– Ну? – сказала Майя Витольдовна и протянула к Зое свою большую ладонь.

...К своей квартире Зоя поднималась очень долго. Так долго и так медленно, что ей показалось, что на улице наступила зима, ведь внутри у нее все заледенело.

– Зоя, ты не видела, где это пальто? – спросила бабушка и показала ей россыпь купленных белых пуговиц, лежавших на диване. Они были бледные и совсем не белые – какие-то мутные, как вода из крана.

Бодрым голосом Зоя рассказала, как мама взяла пальто в школу и как она, Зоя, несла его обратно.

– Ну и где же оно? – спросила бабушка глухо, пристально глядя на притихшую Зою.

Зоя сказала, что пришлось отдать пальто Майе Витольдовне, ведь та встретила ее во дворе. Будто нарочно ждала.

Она такая, эта Майя Витольдовна...

Бабушка завертелась по комнате волчком, бессмысленно выкрикивая что-то о необрезанном ценнике и обрезанных пуговицах. Потом она утомилась и попросила Зою принести ей бутылочку с валерьянкой. И до прихода мамы лежала с компрессом на лбу.

Вечером в квартиру пришла Майя Витольдовна с белым пальто в руках.

Его подол почему-то был зеленым и грязным. Зоя тихо закрылась в туалете и приникла ухом к щели.

Слышала, как Майя Витольдовна что-то говорит о «спе-ку-ля-ци-и», об отрезанных пуговицах и о том, что все пальто испачкано травой. А еще сказала, что, «зная вашу семейку», специально следила из окна – даже на работе отгул взяла! И рано или поздно она всех нас «выведет на чистую воду». Слышала, как мама предложила ей забрать пальто «за просто так».

Но «за просто так» Майя Витольдовна не захотела и взяла с мамы еще пятьдесят «рэ» в придачу – «за моральный ущерб».

Что такое «моральный ущерб», Зоя не знала и на всякий случай еще час просидела в туалете.

...А перламутровые пуговицы, кстати, бабушка так и не отдала!

Одна из них до сих пор хранится у Зои Павловны в ящике.

Зеленый кит в синюю полоску

У Юры в альбоме есть фотография.

На ней двухлетний Юра сидит на берегу моря на большом ките, а папа держит его под ручки, чтобы кит ненароком не поплыл в волны, не унес за собой Юру.

Но кит не унес, ведь он был резиновый – зеленый в синюю полоску, хоть и большой – в три раза больше Юры.

Он и сейчас большой, если надуть и поставить его на хвост – выше Юры на целую голову.

Шикарный, одним словом, кит! Только старый уже.

Лежит на антресолях, пылью покрывается. Раньше Юра его часто надувал. Особенно зимой. Надует и лежит на нем посреди комнаты – лето представляет. А потом другие игрушки появились да и вырос Юра из тех развлечений.

И вот сегодня достали-таки этого кита с полки! А все дело в том, что Миша пригласил Юру на свой день рождения. В первый раз пригласил. И это нерядовое событие, ведь раньше в Мишин дом нельзя было и на порог зайти – такая там в квартире красота, что и ступить страшно. И родители Мишины искоса всегда поглядывали, чистые ли у Юры сапоги, вымыты ли руки и не станет ли он этими руками обои трогать.

Когда однажды нужно было Мишу подождать, пока тот завтракать заканчивал, так Юра полчаса в прихожей стоял

напротив Мишиной бабушки.

Бабушка стул вынесла, села на всю ширину коридора, взяла в руки толстенную книгу – «Разведение лосей в условиях субконтинентального климата» и читала, посматривая на Юру поверх очков.

А Юра смотрел в глубь квартиры и видел, как оттуда идет какой-то теплый голубой свет. Так хотелось пройти дальше: что там и как?

И вот теперь наконец Миша торжественно пригласил Юру в гости.

И не только его. Оказывается, ему разрешили собрать дома полкласса. Ведь девять лет – почти юбилей!

И торт будет не какой-нибудь, а из мороженого! И желе с фруктами. И что-то такое, название чего Миша не запомнил.

Юра с самого утра пребывает в волнении, ведь пока неизвестно, что он подарит другу.

Все – мама, папа и старший брат сидят себе, своими делами занимаются, на Юру внимания не обращают. Если бы у Юры были деньги, он бы побежал в магазин и сам что-нибудь купил.

А так приходится ждать решения взрослых. А они говорят: не переживай, будет тебе подарок, нашел проблему. Всем сейчас некогда: папа что-то чертит за столом, Стасик, брат, в наушниках сидит, мама на кухне возится.

Как не переживать, если эти «гости» – впервые в жизни?

И не на пороге – а в самой середине, там, где голубой свет светится!

Миша друг хороший. Выходит во двор и сразу белые гольфы снимает, скатывает в аккуратные трубочки и в карман кладет и еще ладони о стену трет, чтобы чистюлей не дразнили. А потом, вечером, когда набегаются, снова гольфы натягивает, руки в луже моет и маленьким гребешком, который всегда у него в кармане, расчесывается на «косой пробор». Подмигивает Юре, мол, пусть о нем дома лучшего мнения будут! Ведь родители у Миши серьезные.

Папа – конструктор на каком-то заводе, его на машине возят, а мать, как идет через двор, всегда нос платком прикрывает – мол, от свалки очень пахнет, и не позволяет Мише карбид в лужу бросать. На это действие Миша только издали смотрит – как этот карбид в луже шипит и пенится.

Может, набрать на стройке этого карбида, думает Юра. Миша наверняка обрадуется.

Но что это за подарок? Может, велосипед отдать? Жалко. А время идет и приближается к заветному часу, хоть плачь.

Наконец мама от кухни оторвалась, а папа от чертежа.

Начали судить-рядить. И наконец решили: достала мама того кита с антресоли, протерла.

– Как-то неудобно, – говорит папа. – Кит старый...

– Ничего неудобного. Кто об этом знает? – говорит мама. – Это же формальность! Я хорошенько упакую, лентой пере-

вяжу, ну и все. У них своего добра полно! Тратиться на них не собираюсь!

Юре чуточку жаль своего кита – он ему как брат. Все детство на нем по ковру проплавал. А с другой стороны – другого выхода нет и в магазин бежать поздно. Но никто и не собирается бежать – до папиной зарплаты еще две недели. А мама Мишиных родителей не любит, это ясно.

– Ты, как придешь, положи свой подарок в общую кучу и сразу к столу иди, чтобы внимания не привлекать, – учит мама, собирая Юру в гости.

Упаковала кита в целлофан, красную ленту пристроила, на бант завязала – такой красивый подарок получился!

По дороге к Мишиной квартире Юра поглаживал этот целлофан, мол, отдаю тебя, друг, в хорошие руки.

На пороге встречает гостя Миша, за его спиной уже толпятся ребята из их второго «Б», все ждут, что Юра имениннику даст. Они уже свои подарки вручили и теперь все внимание на Юру.

Мама с папой даже вышли, бабушка выглядывает из кухни.

А Юрин подарок шуршит, светится в целлофане сине-зеленым. Схватил его Миша, развернул:

– Ого! Да это же целый кит!

Так обрадовался, даже запрыгал на одной ножке, Юре сразу захотелось это «ого» отобрать, жалко стало – еще как!

Мама сказала подарить и сразу к столу идти. Но Мише

не до стола.

– Давайте его надуем! – кричит.

– Котлеты остывают, – кричит мальчишкам бабушка.

Но они уже в комнате – дуют поочередно в кита, смеются.

Юра сразу успокоился – наверное, самый лучший у него подарок вышел. Даром, что старый. Да кто об этом знает?

Кит внутри от времени склеился – никак надуваться не хочет. Немного неловко и тревожно Юре.

Но ничего, пришел папа-конструктор, как дунул, так кит сразу и расправился.

Начали его рассматривать. Такой большой китяра! Только одному Юре видно, что цвета на нем уже не те, не такие яркие. И синие полосы кое-где пооблезали. Давно же Юра его не надувал!

Лег Миша на кита, руками размахивает, будто плывет.

Пока все не полежали – никто за стол не пошел.

Вот и хорошо, думает Юра, пусть окончательно его запачкают. Ведь только теперь он видит, как выцвел его старый кит, а на боках даже черные пятна проступили. И резиной очень пахнет. А сбоку – только Юра это слышит! – потихоньку воздух выходит...

Мать Миши заглянула, платок у носа держит:

– Что у вас тут так воняет? Идите лучше к столу.

Пошли к столу.

Юра ест и думает: вот было бы хорошо, если бы о ките все забыли. Он бы тогда его снова сложил, упаковал и куда-то

под кровать сунул – не скоро найдут.

И торт из мороженого ему не в радость, и то, название чего трудно произнести, тоже. Даже о мамином наказе забыл – хорошо рассмотреть, «что у них там такого, что они людей на порог не пускают». Глаза опустил, о ките думает, как бы так сделать, чтобы о нем все забыли.

Но не забыли!

– Айда в пиратов играть! – говорит гостям Миша. – Будем на ките кровать штурмовать!

Побежали.

И видит Юра, что лежит посреди комнаты вместо кита грязная резиновая тряпка.

– Ну, ничего, – успокаивает Мишин папа, – вы во что-нибудь другое поиграйте...

...Утром Миша за Юрой не зашел, чтобы вместе в школу бежать.

А когда Юра вышел, он увидел, что на мусорном контейнере лежит его кит – аккуратно расправленный, прикрывает своим брюхом мусор.

Осмотрелся Юра, чтобы никто не видел, и стянул оттуда своего кита. Свернул в трубочку и быстренько домой отнес. Только на антресоли не положил – спрятал у себя под кроватью.

Чтобы в следующий раз не пришлось его опять кому-нибудь дарить...

Сладкое молоко

Богдану восемь лет.

Каждое лето он приезжает к бабушке в деревню. И все здесь кажется странным.

В частности, сама бабушка – совсем не похожа на другую, которая осталась в городе, – без помады на губах, без кудрей в опрятной прическе. Эта бабушка – полная, в фартуке и платке, с большими ладонями, которые всегда пахнут чем-то вкусненьким.

Богдан спит в маленькой, чисто побеленной перед его приездом, комнатке.

Окно здесь открыто всю ночь.

Отсюда ему слышно, как в хлеву тихо вздыхает корова. Когда комары заводят свою песню, Богдан думает: «Ешьте – только быстрее!» – и лежит тихо, не шевелится.

Когда комары наедаются и улетают спать, уже ничего не мешает Богдану слушать ночь.

В углу, у иконы, шуршат бумажные цветы – это дует ветерок.

Откуда-то слышно «хруп-хруп» – это хозяйничает мышь.

И, конечно, повсюду поют сверчки!

Богдан дружит с соседским мальчиком Колей.

Коля старше его на один год и поэтому, без всяких возражений со стороны Богдана, становится то Бэтменом, то

Спайдерменом, то Гарри Поттером. И все дни напролет берет Богдана в плен, наскакивает на него с хворостиной и побеждает, таранит, отпускает подзатыльники.

Однажды Коля предложил накормить их корову Майку сахаром, чтобы молоко было сладким.

Целый день они бегали на луг, где паслись коровы, и подсовывали Майке хлебные корки, посыпанные сахаром.

Вечером Коля сказал:

– Айда к нам пить сладкое молоко!

И они ушли.

Колина мама очень красивая.

Волосы у нее гладкие, с красным отблеском, в ушах висят огромные серьги с профилем египетской царицы. Все платья у нее яркие, в цветах.

Она как раз шла в хлев с большим эмалированным ведром и влажным полотенцем в руках.

– Ма, пусть Богдан у нас попьет молоко, – сказал Коля, и они все вместе вошли в хлев.

– А ваша корова пришла? – спросила Колина мама.

– Да. Ее бабушка доит.

– А ты, значит, к нам? За нашим молочком?..

– Ага.

Коля подмигнул Богдану, мол, сладкое будет молоко!

Колина мать резкими движениями начала вытирать коровье вымя полотенцем и, видимо, сделала ей больно, потому что Майка повернула голову и недоуменно посмотрела

на нее.

– Что смотришь, зараза? Стоять! Вот скотина! – приговаривала Колина мать, еще резче орудуя полотенцем.

Потом она ткнула корову в бок, чтобы та развернулась удобнее, бросила рядом табурет, звякнула ведром и наконец уселась доить.

– А ей не больно? – спросил Богдан Колю, глядя, как сопит женщина, дергая корову за вымя.

Тот пожал плечами.

– А моя бабушка всегда дает нашей Розке корочку хлеба, перед тем, как доить, – сказал Богдан.

– Обойдется! – зыркнула из-под коровы Колина мать. – Корочку ей! Твари такой! Стой смирно, я сказала! А ты, детка, помолчи – бабке своей будешь под руку говорить!

Коля ободряюще похлопал Богдана по плечу и снова подмигнул: а молоко у нас будет сладкое!

– Ма, я кружки принесу, – сказал он.

– И без них напьетесь – из ведра! – сказала мать.

– Нет, ма, из кружек больше будет!

– Ишь, жадный какой, – сказала Колина мать.

Коля побежал за кружками.

Богдану было жаль корову, которая с каждым новым пинком скашивала глаза в его сторону. Но и интересно было – действительно ли молоко будет сладким?

Наконец ведро до краев наполнилось теплой пеной, будто снежной шапкой покрылось. Колина мать рванула его,

и немного пены выплеснулось корове под ноги.

– Тварь жадная! – сказала Колина мать и понесла ведро к садовому столику.

Серьги качались в ее ушах, как люстры при землетрясении.

Она бухнула ведром на стол, и из него снова вылилось немного пены.

Коля подал кружки. И снова подмигнул Богдану – сла-адкое будет...

Колина мать обтерла кружку и опустила ее в ведро.

«Буль», – сказала кружка.

Коля схватил ее, сделал глоток и прищурился.

Вторую кружку женщина не обтерла, а просто стряхнула с нее рыжего муравья.

«Буль», – сказала вторая кружка, и на столе перед Богданом цокнуло ее глиняное доньшко. Молочная лужица просочилась сквозь щели стола и закапала на босые ноги Богдана.

Осторожно, чтобы не порезаться о выщербленный край, Богдан пил молоко.

Но оно не было сладким...

Наука на будущее

Скайп

Петя работает в банке «сисадмином».

Правда, «Петей» он был двадцать лет назад.

Сейчас он Петр, но никто до сих пор его так не называет.

Говорят «Петя» или Сисадмин, что означает «системный администратор». Работы у него много. Но в свободное время, которое приходится на вечер, Петя подрабатывает, настраивая домашние компьютерные сети разным клиентам.

Порой делает такие концы, что – ого-го-го!

Мотается из одного района города в другой. Но клиенты у него уже по многу лет, состоятельные, с некоторыми он дружит с юности. Платят хорошо, почему бы и не помотаться?

Сегодня вечером Петя, жуя купленный в «Макдональдсе» двойной чизбургер, сидит в большой комнате с камином у одного из заказчиков и щелкает клавишами, исправляет ошибку в системе, которая произошла из-за шестилетнего пацана: полез искать игрушки, напустил вирусов. Заказчик Пете доверяет: ушел на пару часов по своим делам, жена в парикмахерской, пацана отправили к бабушке.

И представляет себе Петя, что это его собственный дом.

Развалился в кожаном кресле, жует, попивает из стакана вино, которое налил хозяин, слушает, как потрескивают в камине дрова. И знает, что совсем скоро так будет и у него: дом, камин, машина. И цель эта достаточно близка, ведь и в банке, и клиенты Петю не обижают, денежки капают.

Работы тут не много.

Петя давно уже все наладил, минут за тридцать. А теперь просто наслаждается теплом и ощущением моделирования собственной жизни. «Кликают» страницы автосайтов, листает, выискивает, какую машину купить, любитесь изображениями «порше», «субару», «лексусов», «саабов», вычитывает, какая сколько бензина жрет, у какой лучший объем двигателя, какой разгон до ста километров и т. д. Читает отзывы.

Надоедает...

Заходит на свою страничку ФБ, просматривает «Одноклассники». Вино хорошее, красное сухое – чилийское. Глоток застревает в горле: Ленька сообщил, что их товарищ Саша по прозвищу Ломаный (ведь нос ему еще в пятом классе перебили в какой-то детской игре) уже «приказал долго жить». Петя глотает вино с мыслью: «Это ж надо... Царство Небесное...».

Закрывает страничку, тупо смотрит в экран. И хочется ему поговорить. Хотя бы с тем же Ленькой, расспросить о других – кто где?

Ну и нет проблем! Выходит в скайп. Все равно еще полчаса париться здесь перед камином: ключа ему не оставили,

да и не расплатились.

Так что надо ждать.

В скайпе у Пети друзей немного. Он, Петя, Петр Сергеевич Кошуба, не слишком разговорчив, не очень интересен для других, на то он и «сисадмин». Ему лучше в платах и системах копать, удивляясь, до чего может дойти прогресс и что с этим «мировым разумом» может быть дальше. Захватит ли он Землю, будет ли это к лучшему?

Смотрит Петя на куцый список своих знакомых и видит, что поговорить не с кем. Две женщины пенсионного возраста из отдела, начальник, Зуза из Теробовли (когда-то вместе, сто лет назад, в фотокружок ходили), трое неизвестных со скучными «никами».

Если бы какая-нибудь женщина – пусть далекая, давняя, случайная, но такая, которой можно сказать что-то такое...

Что-то, о чем думаешь по ночам.

Нет, не о сексе.

О «вечном». Или хотя бы о том, что вчера сжег холостяцкую пароварку, на которой так легко кашу варить: заложил, включил – и айда к компу! Ничего не выкипает, ничего из-под крышки на плиту не лезет. И вот теперь надо нести ее в мастерскую. Потому что в компах Петя «дока», а с пароварками дела не имел. А потом добавить о Ломаном Саше – так, между прочим, чтобы не напрягать – мол, был такой дружбан детства, рыжий-конопатый, а вот – видишь! – умер. Хоть и молодой еще был. Разве это возраст, чтобы умирать?

Смотрит Петя в пустую рамочку «Искать» и не знает, кого ему найти хочется.

Грустно...

А чтобы веселее стало, набирает – «Наполеон».

Цедит вино, подбрасывает дров в камин и спиной чувствует: пошли звонки.

Надо же, думает Петя, кто-то уже и Наполеоном себя называет! Чего только в сети не найдешь.

Ворошит Петя дрова и, как позволил хозяин, льет в огонь эфирное масло с запахом хвои.

Огонь пахнет Новым годом, детством, пляшет перед глазами, завораживает Петю, убаюкивает. Но чувствует Петя и другое – шевеление в экране.

Идет к креслу – кто там появился в сети?

И видит круглую физиономию какого-то дяденьки, который лезет щеками прямо в экран.

Потом отступает назад. На нем треугольная черная шляпа с кокардой, эполеты, а за спиной – такой антураж, будто живет этот чудик в замке: картины, канделябры...

Смотрит дяденька на Петю, Петя смотрит на дяденьку.

А тот говорит что-то на французском.

Петя точно слышит: да, это французский, а в школе и в универе он английский учил. Но это не проблема, не зря же Петя в компах «шарит»: находит рамку «Перевести» – а чем черт не шутит: позабавимся!

И действительно забава удаётся, ведь слышит Петя немно-

го механический голос «автопереводчика»:

– Наконец-то... Хоть кто-то догадался... А то только и слышал: «Вызываем дух Наполеона!» К кому только ни приходил из-за этого чертова блюдечка! Аристократы недобитые, о чем только ни спрашивают! Будет ли война? Выйдет ли кто-то там за кого-то замуж, найдется ли попугай... Бред сплошной. Надоело! Даже вашу Ахмет... Ахматову видел. На французском говорила. Красивая женщина, горбоносая, почти как я. Люблю горбоносых. Они все умные...

Дяденька то отступает, то приближается – предъявляет себя во всей красе.

Петя смотрит на этот маскарад – на белые брюки-«лосины», на животик, отвисающий из-под короткого камзола, на круглые красные щеки и аккуратные бачки на них. Действительно вылитый Наполеон, как в кино!

Радует Петя, что набрел на веселого человека, спрашивает:

– Вы Наполеон?

Дяденька закладывает руку за борт камзола, левую ногу вперед выставляет, гордо голову закидывает и говорит:

– А вы разве не узнали?

– Конечно, узнал, – говорит Петя. – Очень похожи!

– Что значит – «похожи»? – хмурит брови дяденька, а механический переводчик делает его голос суровым. – Я и есть Наполеон Первый Бонапарт. А лучше: Буонапарте, импера-

тор Франции!

Петя не возражает. Ладно: Буонапарте так Буонапарте!

Может он, Петя, тоже в глубине души Марк Аврелий или Леонардо да Винчи.

Подумать надо.

А этот Буонапарте всматривается в Петю и тоже радуется, что нашел с кем поболтать. И продолжает приветливо:

– ...а как вызовут – сами сразу же начинают пугаться. За руки хватаются, дамы соль нюхают, чтобы в себя прийти. А мне это все не интересно: они же меня не видят! Не верят. Ведь люди только своим глазам доверяют. Крестные знамения накладывают. И скучно мне от этого становится... Скучно, брат. Здесь вообще скучно. Даже скучнее, чем в Джеймстауне, в Лонгвуд-хаусе. Там я хоть книжки читал. И соратники со мной были – Анри-Грасьен, Шарль, Эмануэль де Лас Каз, Гаспар. А это – огромная поддержка! У тебя есть соратники?

Петя морщит лоб, вспоминает.

– Сотрудники только, – отвечает тихо.

– К черту! – говорит его визави. – Соратников надо иметь. Вот представь себе: твой дом окружен каменной стеной в шесть – по-вашему – километров, вокруг – часовые на каждом метре. Что ни сделаешь, они флажками друг другу знак подадут – ни сядь, ни ляг. Остров. Море. Что остается? Соратники! Те, кто с тобой – до последнего вздоха. Любовь? Хм... Была там одна... Не лучше Жозефины. А уже о Ма-

рии-Луизе нечего и говорить. Жози хоть и бесплодна была, из-за чего и расстались, а такая, как мне нужно. Она ко мне просилась в изгнание. А Мари – отеклась, хоть у нас и сын был. У тебя хоть баба надежная есть?

Пете неловко отвечать на такой вопрос незнакомого человека, он пожимает плечами, вспоминая, что даже об испорченной пароварке не с кем перемолвиться.

– А-а-а, можешь не отвечать – и так вижу: нет! – говорит собеседник. – Глаза у тебя пустые, без блеска. Бабником надо быть! Без этого тебе никакая победа не в радость. Есть такие бабы, взять которых не менее важно, чем крепость взять! Да, да, не удивляйся. Я в твоём возрасте четко знал: научишься с женщинами вести себя как следует – ни один бой не проиграешь. И пуля тебя не возьмет! Очень рекомендую...

Пожимает Петя плечами, поглядывает на часы. Говорит вежливо:

– Хорошо, спасибо. Приятно было познакомиться. Пора мне – работа...

Думает – а если он, этот дядька, потом как привяжется со своими разговорами и будет все время его к скайпу вызывать. Нехорошо это – с полоумными связываться.

– Понимаю, – говорит механическим голосом автопереводчик. – Понимаю... Жаль. Хотя бы скажи, как зовут тебя.

– Леонардо да Винчи, – говорит Петя и нажимает на отбой.

Еще немножко посидел. А там и хозяин вернулся. Расплатился, как положено. Еще попросил на закачку какую-то порнушку поставить.

И пошел Петя домой. А это – целых восемь остановок автобусом и три станции на метро.

По дороге думал, что вместо того, чтобы о «субару» мечтать, лучше обычный «фиат Гранде Пунто» приобрести. До нужной суммы только десять тысяч осталось собрать, в евро – около тысячи. Нормально.

Дома Петя пельмени сварил.

Пока варил, как обычно, комп включил, почту посмотрел, нет ли заказов, поставил на закачку ту же порнушку, что клиент посоветовал.

И так ему на душе неуютно стало, так стыдно, так тоскливо. Вспомнил, как тот «Наполеон» сказал, что блеска в его глазах нет. А откуда ему взяться, этому блеску, если жизнь такая скучная. Сплошь – скучная. Он бы охотно на тот остров отчалил, о котором мужик говорил. Наверное, там и солнце, и море, и рыбу можно ловить. А то, что стена – так стена та не для него. Кстати, что это за остров такой?

Набирает Петя в Интернете сведения о Наполеоне. Но не о том, что ему сегодня мозги пудрил, а о настоящем – императоре. И выпадают ему картинки – репродукции портретов знаменитого полководца и бесславного изгнанника в разном возрасте.

И видит Петя картину Поля Делароша: сидит его собеседник, ноги в белых лосинах и высоких сапогах расставил, взгляд тяжелый, «из-под бровей», вокруг – беспорядок, камзол скомкан. И так он похож на того, чья физиономия на экране маячила!

И о Джеймстауне – порте на острове Святой Елены, – о Лонгвуд-хаусе, окруженном стеной, есть.

И можно обо всем этом не думать.

Разве что сделать еще один прикол, так, для развлечения.

Хотя ничего себе – развлечение! Выводит Петя на скайпе одним пальцем имя Саши Ломаного. Того самого, о котором сегодня Ленька написал.

И думает про себя, что он скоро совсем рехнется, хоть на стенку лезь. Можно было бы, конечно, спиться, как нормальному человеку в его состоянии полной свободы и одиночества. Можно эмигрировать куда глаза глядят или просто путевку купить в Шарм-аль-Шейх. Можно пойти в какой-нибудь клуб, снять себе хорошую шлюху, деньги есть – «субару» подождет.

«Кликает» Петя на вызов, ждет. Звонки идут.

На экране возникает лицо Сашки – радостное и немного растерянное.

– О, старик! – кричит Петя. – Привет! Прикинь: Ленька – ну, ты его знаешь! – написал, что ты, что ты... Прости! Что ты ласты склеил! Прикинь, какой козел! Это ж надо так пошутить! У меня из-за этого весь вечер наперекосяк! Рад тебя

видеть! Как ты?

– Привет, – говорит Ломаный. – Я тоже рад! Не ожидал, что ты меня вспомнишь...

Петя подумал, что, да, действительно, какой же он осто-лоп, почему никогда не звонил Саше. В школе они были не разлей вода! И, если честно, это он расквасил ему нос в той давней драке. Интересно, помнит об этом Саша, про-стил ли? Почему же никогда не спросил у него?

Как-то лет шесть назад случайно встретились в городе: «Как ты?» – «Нормально. А ты?» – «О'кей!» И разбежались в разные стороны. Словно не было тех кухонь с портвейном и гитарой, тех экзаменов по алгебре, когда они друг другу «шпоры» подсовывали и оба оказались за дверь – для пересдачи.

Что же за жизнь такая нынче – «нормальная»? Что озна-чает это «нормально» и это «о'кей»?

Нормально – это два билета на автобус с работы домой, два жетона на метро.

А «о'кей»...

Ну что там еще: коплю на машину, есть работа. Пиво, сау-на, тренажерный зал три раза в неделю, порнушка по вече-рам.

И вот теперь Саша смотрит на него с экрана – лицо в ту-мане – и говорит, что не ожидал, что его вспомнят. И это уже что-то, а не это «нормально-о'кей».

– Ну что тут такого, – говорит Петя, – я тебя и не забывал!

Просто такая карусель, сам понимаешь.

И он хочет рассказать другу о...

О чем?

Об испорченной пароварке?

О банке?

О клиентах своих, достигших большего, чем он?

О том, какую машину планирует купить?

Но говорить по компу – это ерунда, это не заменит живого хлопка ладони о ладонь.

– Давай на пиво! Говори – когда? Все брошу на фиг! – радостно кричит Петя.

Саша улыбается. Такой же рыжий-конопатый – почти не изменился. И когда-то расквашенный нос – «уточкой».

Смотрит на него Петя и понимает, что вот оно – главное и важное: стукнуть кулаком друг друга в плечо на углу Прорезной и Пушкинской.

А возможно, что-нибудь сделать вместе. Еще не поздно!

Скажем, была же у них мечта открыть придорожную кафешку с автозаправкой для дальнобойщиков. И чтобы там, вместо попсы, крутилась на «плазме» старая добрая голливудская классика: «Касабланка», «Пролетая над гнездом кукушки»...

Или – выкупить старый кораблик, оснастить его по последнему слову техники и дизайна.

Сделать на нем мини-отель для невест. Возить их после свадьбы пару дней по Днепру.

Чем не хорошая идея? Р-р-романтика! Сейчас свадьбы пышные, богатые, клиенты найдутся!

– Помнишь? – захлебывается от радости Петя. – А что? Два дня возим их вдоль побережья. Кухню и все коммуникации беру на себя, за тобой – техническое обеспечение. Два дня делаем свадебный круиз – два дня на уборку и отдых. Раскрутимся – возьмем парочку горничных и повара. Ну и маршрут может быть интересным, с выходом в море.

За спиной у Саши молочный туман.

Наверное, снег пошел.

– Ну так что, забиваем стрелку на завтра? Я отгул возьму! Ну его все к черту! – уговаривает Петя. – Работа – не волк! Жизнь проходит!

– Старик, – говорит Саша, – постой, старик. Как бы тебе объяснить...

Он жует губами воздух.

– Что – жена не пустит? – сердится Петя. – Работа? Заболел? Что мешает?

– И жена, и заболел, и работа... – жует губами слова Саша. – Но, знаешь, ты обращайся ко мне! Хорошо? Обещаешь? А?

Петя скисает, сдувается, как воздушный шарик, кивает.

– Ну-ну-ну, – успокаивает его Саша и подносит к экрану кулак: – А ну, давай, как раньше!

Петя медленно поднимает свою сжатую ладонь к самому экрану, упирается в стекло – в кулак друга. Это означает:

мир, никто никому ничего не должен.

– Так-то вот! – улыбается Саша.

Он молчит, мнется, а потом тихо добавляет:

– И еще одно... Ты не шути так больше. Это оскорбительно для местных. Они хорошо знают друг друга...

– Ты о чем? – не понимает Петя.

– Ну... Тут один... Один чувак сказал, что ты выдаешь себя за Леонардо да Винчи. Я понимаю, конечно, что это шутка. Но они здесь к шуткам не очень... А Леонардо просто таки озверел!

Связь прерывается.

Петя сидит перед заставкой на экране. На ней – горы, море, одинокая пальма.

Переваривает услышанное, улыбается приятным воспоминаниям. Эх, жаль – не договорили.

О каком Леонардо речь, о Леньке, что ли?

Не проблема! Вспоминает Петя, что в старом блокноте, кажется, был домашний телефон Ломаного.

Точно – так и есть.

Набирает номер. Слышит длинные гудки. Наконец трубку берет какая-то женщина с сонным заторможенным голосом. Петя боится жен своих приятелей. Сашину он видел только на сайте в свадебном наряде.

Красивая такая.

– Простите, можно поговорить с Александром? – вежливо спрашивает Петя.

– Его нет... – отвечает заторможенный голос.

– А когда будет? – спрашивает Петя.

– Уже никогда! Никогда!! – кричит голос.

И трубка пищит и пищит Пете в ухо пронзительными гудками отбоя.

...Петя не любит задумываться над разного рода непонятными вещами.

Их сейчас пруд пруди. Одно спасение – не думать, не вдаваться в лишние подробности. Все равно кто-то за тебя решает. Те, для кого ты мелочь неразумная, инфузория, молекула в массе других молекул.

Никто тебя не слушает.

Цены повышают без твоего на то согласия, соглашения на газ или нефть заключают, тебя не спросив, территорию разбазаривают, как заблагорассудится.

Что остается Пете? Клавиши на компе нажимать, строить свой мирок в собственном доме. Понемногу сходить с ума.

Не думать. Не задумываться. Воспринимать все как есть в этот момент.

Петя и не задумывается. Только щиплет себя за небритую щеку. До синяков уже нащипал.

И решает...

Будь что будет. Нажимает на скайп, набирает в окошке – руки дрожат! – «Кошуба Анастасия Федоровна». И замирает над надписью «ВЫЗОВ».

Пахнет ему яблочным пирогом и крүшоном – напитком таким, из мороженой клюквы.

Пахнет елкой, мандаринами и оливье.

От этого имени пахнет...

Он сто лет не ел оливье! А как готовить этот крүшон, до сих пор не представляет – небесный был напиток.

Пахнет платком – из фланели, цветастым таким, в сине-сиреневых цветах. Он весь камфорой пропах: когда у него ухо болело, он в этом платке с подложенным комочком ваты целыми днями ходил...

Вызывает.

Идут гудки.

Длинные-длинные, как снег.

Ругает себя Петя последними словами – зачем такое делать? Но экран мигает, черная рамка просветляется. Видимость плохая.

Но платок он замечает сразу. В обрамлении сине-сиреневых цветов – лицо в морщинах, глаза синие. Всегда все удивлялись: откуда такие глаза у старого человека?

Не выцвели до самой старости!

Молчит Петя, застыл, в горле – еж, в груди – вакуум. Пожирает, впитывает в себя глазами это лицо. Пусть хоть так, но – пусть будет, пусть не исчезнет с экрана.

Кто же повесил туда эту старую фотографию? У Пети ни одной фотографии не сохранилось!

А лицо глазами мигнуло, сухонькие узенькие губы растя-

нулишь в улыбке:

– Петя... Умничек мой... Взрослый какой. А худой, Господи помилуй, какой худой... Стал ты космонавтом, Петя? А экзамен по алгебре – как, сдал? Есть кому тебе морковку натереть, как ты любишь – со сметанкой и сахаром?

Жарко становится Пете, горит все, впился глазами в экран, дышит, как паровоз.

– Ты не беспокойся, Петя. У меня все хорошо. Я тебя каждый день вспоминаю. И когда ты болел сильно – в прошлом году, помнишь? И когда по ночам ходишь. Когда зима, скользко, я каждый шаг твой выверяю. Не бойся. Бабушка обо всем заботится. Одно плохо, что один ты. Совсем один во всем мире. Нехорошо это. Сердце ноет из-за этого. Но и радость у меня есть: здесь говорят, что ты самым умным оказался. Самым умным из всех, ведь наладил связь! Я так горжусь тобой. Ты всегда лучшим был! Как Гагарин! Хвалят тебя очень.

Поправила края платка знакомым жестом, волосы седые спрятала – не любила седину на показ выставлять, стеснялась...

– Ты не грусти, Петя. Все наладится. Я знаю. Только – живи. Оно ведь как бывает: сначала думаешь, что все впереди, а оглянешься – полжизни как корова языком слизала. Двигайся, живи. А я уже помогу, как могу... Только обращайся чаще, не забывай. Ведь когда не обращаются к нам – у нас весточек нет. Мы не знаем, как и чем помочь... Понял?

Петя кивает, кивает, кивает головой.

Встряхивает ею, как в детстве, когда «честное слово» давал.

Смеется бабушка Анастасия Федоровна Кошуба, бабуся-Настуся.

– Вот и хорошо. Радость моя, Петенька... Умничек... Самый лучший... Я с тобой! Всегда...

Тускнеет экран, исчезает черное окошко.

Пальма и море стоят неподвижно...

Не взял Петя отгул.

Просто не пошел утром на работу. Не пошел и на следующий день.

И через неделю тоже.

Итак, некому его теперь сисадмином называть.

И, кстати, Петей тоже. Потому что не Петя он теперь в свои тридцать пять!

Ведь как представиться таким именем Жанне д'Арк? Или Фриде Кало? Или Николе Тесле?

Да и с императором Франции, Наполеоном Первым Буонапарте, лучше на равных разговаривать, как Кошуба Петр Сергеевич.

Столько всего от них набрался!

Устали все без общения, каждый хочет весточку в большой мир передать.

Начал Петр с истории.

Написал монографию, в которой довольно неожиданно провел сравнительный анализ политической ситуации в постсоветских странах с периодом прихода к власти своего «научного» консультанта, «мсье Буонапарте», который в ноябре 1799 году пришел к власти в качестве одного из трех консулов, став главным автором монархической конституции, а в конечном итоге и самим императором.

Внес уточнения в протоколы допросов святой Жанны. И в беллетристическом исследовании, построенном на фактах, недоступным другим, рассказал о дальнейших судьбах ее судей, часть из которых умерла «злой смертью».

Судья епископ Пьер Кошон – в кресле цирюльника, Жан Эстиве, ярый обвинитель, сразу после исполнения приговора утонул в болоте, Жан Леметр и Жан де ла Фонтэн – пропали без вести. А остальные, кто выжил, через двадцать пять лет выступили на процессе реабилитации. И получили прощение самой Девы – из ее собственных уст...

Начал поиски золота Полуботка. Правда, решил парочку лет еще придержать секрет, согласившись с паном Павлом: «Еще не время...»

Взял «интервью» чуть ли не у всех, о ком с детства знал, кого в школе изучали и на кого в кино ходили, убегая с уроков. Добавил некоторые детали к открытиям Ньютона, Паскаля, Бернулли.

Так языки и выучил – в свободном общении.

Мир объездил. Даже два года преподавал в Гарварде, пока

не надоело. Домой потянуло.

Вернулся – кораблик купил.

Не новый (хотя мог бы и яхту дорогущую приобрести), а такой, что провозился с ним полгода. Переоборудовал его в плавучий отель для невест, как и хотел когда-то. Все сам. И за повара сам, и за уборщика. Вольному воля.

Скайп включает регулярно.

Хотел было друзьям помочь связаться с близкими. Но, что удивительно, сколько ни сажал их перед экраном – темным окошко остается и звонки не идут...

Решил не злоупотреблять.

Только бабуся-Настусю каждый день видит, советуется с ней, слушается, как когда-то в детстве.

Научился у нее крюшон из клюквы варить, картошку жарить. Даже огурцы в стеклянные банки закрывать!

И она повеселела.

Рада за своего Петю.

Только одно ее беспокоит...

– Петя, – говорит как-то (только она и имеет право его Петей называть – во веки веков). – Я тут кое-где порылась... Запомни адрес: улица Елены Телиги, дом 14. Квартиру завтра уточню... Зовут Марина. Разведена, сын у нее есть. Замечательный мальчик, кстати, – поливочную систему для Африки выдумывает. Так вот, эта женщина – для тебя. Слушайся свою бабушку! Будет у вас еще двое детей. Только не тяни! А как прийти? Да так и приходи, как есть. Она тебя с поро-

га узнает! Ждет давно тебя. Только, внучек, не забудь цветы
взять. А бутылку – боже упаси! Цветы – это как положено
мужчине. А еще возьми... Возьми куклу, ну из тех, что в ко-
робках со слюдяным окошком продаются – эдакие, прости
господи, сисястые, на длинных ножках. Она о ней до сих пор
мечтает...

Наука на будущее

Лерик – личность экзальтированная, необычная.

Можно даже сказать – чрезвычайная. Тем он и взял свою восемнадцатилетнюю жену, Евгению.

Ведь вокруг нее, в небольшом городке, все личности заурядные – им бы пива попить в выходные и в сауну бы сходить раз в месяц. А вот так, чтобы о книге поговорить или какую-то репродукцию – скажем, Брейгеля или Босха – обсудить, так для этого собеседников днем с огнем не сыщешь.

Вот Евгения и запала на Лерика.

Лерик часами чертит умные графики.

Рисует горизонтальную линию со стрелкой в конце и говорит: «Смотри, это – я. Моя прямая». Затем чертит вертикальную: «А это – ты». Подписывает перпендикулярные стрелки – «Л» и «Е», то есть – Лерик, Евгения.

Разбивает каждую стрелку на равные отрезки, ставит на них какие-то числа: это дата знакомства, это дата первого поцелуя, дата знакомства с родителями, дата свадьбы и так далее. Посередине чертит «синусоиду чувств». Объясняет, где был спад, где подъем и почему.

И сразу Евгении становится понятно, что к чему в их жизни. И куда двигаться дальше в этой системе координат.

Так же Лерик о книгах и фильмах говорит: с карандашом в руках, с научным подходом, с полным знанием дела – где

автор «не дотянул интригу», где «метафорический провал», где «финал, а где постфинал». И с важным видом добавляет, что если бы было у него время, он бы уже сто раз гениев тех переплюнул.

Но времени у Лерика нет, ведь он постоянно находится в экзальтированном состоянии открытия мира. И открывает он мир не для себя (для себя он уже давно его открыл и в графики уложил) – для Евгении! Ведь Евгению нужно развивать.

Он это сразу понял, как ее увидел: стоит вся такая неприкаянная, ртом дождь ловит...

– У тебя не выработана модель общественного поведения! – так и сказал ей сразу, как увидел.

Глаз у него – алмаз.

Вот и имеет теперь!

Каждый вечер усаживаются на кухне, и заводит Лерик интересные разговоры – о высоком и разумном. А чтобы было понятно, то графики чертит, а то и на простых «наглядных пособиях» (скажем, берет стакан, вилку и кусок хлеба) показывает, как бы он перестроил композиционное решение того или иного произведения. Какого – не важно! Лерик может дать любой совет любым «Эйнштейнам» от искусства и науки.

Первый год Евгения слушала и радовалась – наконец-то есть с кем пообщаться.

И не о чем попало, а о том, что давно ее саму волновало – о загадках мироздания. Даже учебу немного забросила – училась в консерватории на композиторском отделении, «на диплом» композицию писала под странным названием «Последняя прогулка Моцарта». Легкая такая композиция. идет себе Вольфганг Амадей из таверны, ничем не озабоченный, веселый, слегка навеселе, ночь такая лунная, звездная, ясная – и слышит, как насвистывают ему звезды что-то бесшабашное. И Моцарт сам насвистывает в темном переулке что-то легкомысленное – так, для себя, ведь он счастливый и хмельной.

За два дня до смерти...

Лерик послушал, расчертил систему координат:

– Смотри: вот твой Моцарт – тот, которого ты сама себе сочинила, а вот – настоящий, историческая личность...

Синусоиду провел – рваная получилась, неровная.

– Видишь? – говорит. – Несовпадение стопроцентное! Ляп и полная ерунда! Как там у вас – аллегро-адажио? Не совпадает! Драматизма маловато. Вот здесь, – тычет пальцем в точку посередине, – тромбон вступает! Тромбон!

Евгения на тромбон вовсе не рассчитывала. Но послушалась, кивнула: тромбон так тромбон. Спорить – только время тратить. Стала играть, когда Лерик со своими подопечными на тренировку выезжал, он же работал инструктором по плаванию в юношеской спортивной школе.

Труднее было, когда Лерик учил ее «общественному общению».

Вот едут они в автобусе, жара, духота, Евгения к тому же еще и беременная. Стоит, держится за перила на потолке – там, где люк открывается, висит на одной ноге, как цапля. Лерик выжидает, многозначительно поглядывая на нее. Евгения знает, чего он от нее ждет: нужно приблизиться к тетке или парню, которые развалились на сиденье, и уверенным голосом, выставив вперед живот, сказать:

– Позвольте, граждане!

И дело не в том, что сделать это самому для Лерика – сущие пустяки. Дело в ней, в Евгении, в ее неумении «взять свое». Этому Лерик ее учит-учит и никак на положительный результат не выйдет! Конечно, ему жалко, что Евгения потом истекает и красная вся, как помидор. Но принцип есть принцип. Если от него отступить, то что дальше? Пропадет Евгения как полноценная личность!

Евгения дергает ручку люка вверх – но силы не те, шепчет Лерику: «Открой, пожалуйста, а то задохнусь!»

Лерик ласково улыбается и отвечает одними губами, чтобы никто не слышал: «Громко скажи!» И кивает глазами на дядю, который рядом с люком стоит: ему скажи! Пересиль себя! Мне же это сделать – раз плюнуть, ты знаешь, а вот ты его сама попроси. Слабб? Ты только за своим пианино можешь сидеть и о Моцарте ерунду придумывать? Тогда езжай так, как едешь. Сама этого хотела!

А еще любит Лерик, когда она в транспорте кричит водителю, чтобы тот остановился. То есть Лерик это любит, но она, Евгения, никогда на это не решается. Будто глупая, будто языка нет.

Однажды, из чистого принципа, они так пять лишних остановок проехали!

До самой конечной.

– Ну, ты чего? – спросил он. – Что, трудно было крикнуть? Сколько же можно учить?

– Как-то неудобно кричать на весь салон, – оправдывается Евгения. – И голос пропал.

– Это плохо, – говорит Лерик. – Неконструктивно.

Евгения с ним полностью согласна, но немного беспокоит ее то, что говорят со всех сторон, что она «за Лериком» как за «каменной стеной». Возможно, это действительно так – надо только научиться, как говорит Лерик, «быть человеком».

В наказание шли обратно пешком все пять остановок. В кино опоздали. Будет ей наука на будущее!

Ну, и ест Евгения совершенно неправильно. Как-то купила селедку и еле до дома донесла – так хотелось прямо на улице съесть. Серебряная селедка, аж блестит, спинка толстенная, жирная, как у кабанчика. Будь Евгения кошкой, впилась бы в эту спинку зубами, забилась бы под ванну, чтобы никто не видел, как она непристойно наслаждается!

Но пришлось на доске разложить и аккуратно почистить под неутомимым руководством:

– Голову сначала отрежь! Теперь кожицу снимай! Да не так – как чулок! На спинке сделай несколько надрезов – тогда кости мелко посекутся, легче есть будет! Теперь брюшко надрезай! Да куда ты в рот эту гадость тащишь – потерпеть не можешь, что ли? Оботри салфеткой. Лучше. Еще лучше! Пленочку вон ту черненькую – видишь? Обчисти, она горчить будет. Теперь за хвостик тяни – так, чтобы пополам разорвать. Резче! Так, чтобы все кости на позвоночнике остались! Теперь режь. Да не так крупно, деревня! Маслом полей. Уксусом взбрызни! Лучком присыпь.

Готовит Евгения это блюдо и начинает ее тошнить.

Ведь чувствует, что это она лежит на доске, а ласковый голос из нее все кишки выматывает – так же, как она сейчас эту сельдь препарирует: вот лежат все ее выпотрошенные внутренности, вот – плавники-перышки, вот – скелет с кусками живого мяса...

Но если так вот красиво потом все это на тарелке выложить, маслом и уксусом побрызгать, да еще сверху выложить аккуратные колечки лука – совсем неплохая картина получается! Ради этого стоит и помучиться Лерику с Евгенией: кожу снять, почистить как следует, салфеточкой обтереть со всех сторон, лишнее удалить, нужное – добавить, зеленью посыпать. И будет Евгения в полном ажуре. Ешьте, люди добрые, теперь я такая, как надо!

– Ну, ты чего не ешь? – спрашивает Лерик, накалывая кусок на вилку.

– Расхотелось... – говорит Евгения и идет к своему пианино.

На нем плюшевое одеяло лежит, чтобы звук тише был и никому жить не мешал.

Тяжело вздыхает Лерик:

– Непостоянство в желаниях – признак начальной стадии самодурства.

И за бумажку с карандашом хватается, мол, вот сейчас увидим, какой график получится. График самодурства Евгении за последние два месяца.

Там много чего накопилось.

Скажем, те вот куры...

Принес как-то домой пакет с непотрошенными курами. Радостный такой, гордый. Высыпал на стол, а там их семь штук! Все в белых перьях, гребешки красные на бок свисают, глазки – у кого открыты, у кого – закрыты, желтые лапки поджаты.

Чихнула Евгения и сама глаза закрыла.

– Зачем так много? – спрашивает.

Лерик смотрит на нее, будто мамонта в пещеру принес:

– Это отец одного из моих учеников принес. За то, чтобы я его сына на сборы взял. Он директором птицефабрики работает! Теперь всегда будем с бесплатным мясом!

Смотри Евгения на это бесплатное мясо и говорит:

– Но это не честно. А вдруг тот парень бездарный и всю команду подведет?

– Ну да, – говорит Лерик. – Конечно, бездарный. Разве за одаренного столько бы кур дали?

И радуется, как ребенок.

А Евгения думает: а как же их разговоры о «высоком», о Маркесе с Борхесом, о достоинстве – мол, никогда не поступай нечестно, никогда ни у кого ничего не бери «даром, чтобы открыто людям в глаза смотреть», о принципиальности.

– Берись, хозяйка, за работу! – говорит Лерик. – А я тебе Бердяева вслух почитаю.

Весь вечер читал, пока Евгения над теми курами плакала-причитала. Руки все в крови.

Дважды в ванную бегала...

В конце концов Лерик сам их потом порезал, солью присыпал и в три баночки сложил – на будущее, обозвав Евгению «чистоплюйкою». Из голов и лапок велел холодец сварить, чтобы ничего не пропало.

Размышлял над «круговоротом природы»: куры едят траву, люди едят кур, а когда умирают – сами превращаются в траву и куры – опять же! – едят траву. И так, таким образом, куры... людей едят. И нечего сопли над ними распускать! Большой мирового масштаба смысл в этом! Решила Евгения тех кур не есть, чтобы хотя бы для себя этот «круговорот»

прекратить. Должен же он на ком-то кончиться – поэтому пусть это будет она.

Тогда уже ребенок у них был.

Евгения вся то в стирке, то в кормлении, ничего не успевает!

Засыпает – головой на спинке кровати, синяки под глазами. А еще дописывает композицию о Моцарте, который идет по темному переулку Зальцбурга и насвистывает веселую, легкую мелодию в ночное звездное небо.

Одним словом, неорганизованная.

Берет Лерик отгул, чтобы доказать, какая она неорганизованная, как время зря теряет.

Отпускает Евгению к маме – на целый день! Говорит, придешь в семь и сама все увидишь, как надо делать, чтобы все успевать.

Отоспалась Евгения у мамы, пришла ровно в семь.

А дома – Лерик сияет, ребенок спит. Дает ей Лерик свою тетрадь с графиками. А там все по пунктам расписано: когда встали, когда поели, когда покакали, первый прикорм, второй, первый сон, второй – так уже вместе с малышом хорошенько выспался.

И – никаких проблем!

– Видишь, не умер! – радуется бодрый, как огурец, Лерик.

Смотрит Евгения на этот график, и так ей обидно становится – почему у нее так не получается?

Правда, не учтено здесь несколько незначительных пунк-

тов: магазины, общие завтрак-обед-ужин, мытье пола, да еще кое-что зашить-погладить надо – Лерику на сборы, пару часов занятий на закрытом одеялом пианино, несколько десятков телефонных звонков – ведь подрабатывает Евгения на одной фирме диспетчером, парочка перчаток из ангоры – ведь вяжет Евгения их на продажу в другую фирмочку – с национальным орнаментом, спросом очень пользуются в ее исполнении, несколько аранжировок для нескольких коллег – ведь и там Евгения в хвосте не плетется. Ну и парочка страниц книги – для души.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.